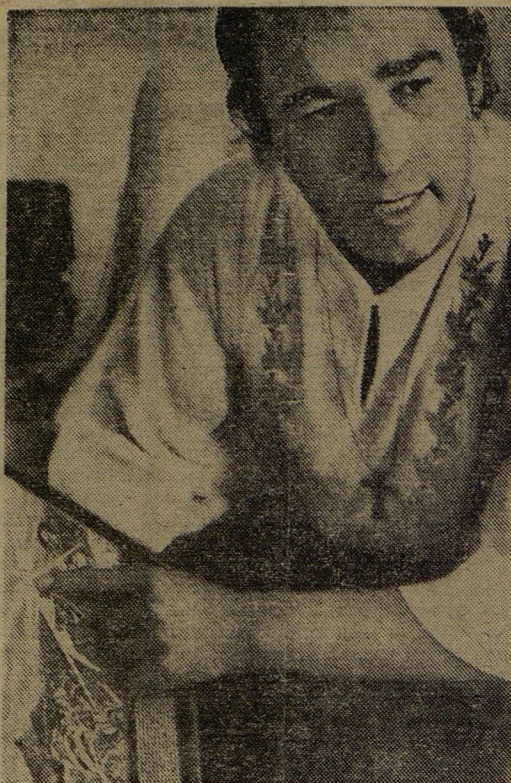


ПЕСНЯ СРАЖАЕТСЯ ЗА СВОБОДУ

Никарагуанский диктатор Сомоса решил потопить в крови всенародное восстание. Но массовые убийства, совершаемые с помощью американского оружия, не заставят патриотов прекратить борьбу. В первых рядах повстанцев сражаются бойцы Фронта национального освобождения имени Сандино. Один из них—певец Карлос Мехия Годой, выполняющий сейчас важную работу вдали от родины.



Карлос Мехия Годой. Никарагуанский певец объясняет испанскому журналисту значение символической картины, помещенной на конверте его новой пластинки с песнями о борьбе народа за свободу.

«Куадернос пара эль диалого», Мадрид.

Х. А. ГАБРИЭЛЬ И ГАЛАН

«КУАДЕРНОС ПАРА ЭЛЬ ДИАЛОГО», МАДРИД.

— Теперь я могу открыто назвать себя сандинистом,— говорит Карлос Мехия Годой. Моему собеседнику 36 лет. Он родился и вырос в Никарагуа, где широко известен как певец народа. Член Фронта национального освобождения имени Сандино (ФНОС). Как и весь никарагуанский народ, Карлос Мехия Годой объявил войну диктаторской династии Сомосы, вот уже десятки лет грабщей страну. Его оружием стала песня. Сегодня певец больше не намерен скрывать, что представляет в Испании передовой отряд повстанческого движения никарагуанцев, поднявшихся на вооруженную борьбу против режима террора и угнетения.

Сомоса унаследовал страну от отца, словно дом или земельный участок. Страну, где живет более трех миллионов человек! Диктатор единолично присваивает себе плоды их труда.

— Ты знаешь, что это означает для нас! — гневно восклицает Годой. — Ты заходишь в кафе, но кофе, который ты пьешь, — это Сомоса. Стокан — это Сомоса. Если берешь куиски (местный прохладительный напиток. — Ред.) — это Сомоса, равно как и минеральная во-

да, и даже кусочки льда в стакане. Столик, за которым ты сидишь, тоже сделан на предприятии Сомосы. Диктатор захватил в нашей стране все.

В Испании Годой пришел певцом, совершенно неизвестным за пределами родины.

— Когда 22 февраля прошлого года,— рассказывает он,— я сел в самолет, тоже принадлежащий Сомосе, один знакомый журналист спросил: «Что будет делать Карлос Мехия Годой, когда с триумфом вернется из Испании?» Я сказал тогда, что прежде всего не уверен насчет триумфа, но если эта страна окажет моим песням тот прием, о котором я мечтаю, свой успех я разделю с народом, с его передовыми организациями. Разумеется, в тот момент я еще не мог назвать ФНОС.

Годой не считает свое пребывание в Испании изгнанием или добровольной ссылкой, хотя режим, вероятно, рад, что избавился от него. Певец настолько любим народом, что каждый никарагуанец с радостью принял бы его в своем доме. По словам Годоя, он мог бы при необходимости уйти в подполье и жить, не боясь ищеек диктатора.

— До сих пор в моей памяти события той ночи, когда я встречался с командиром подпольной группы,— продолжает Годой. — Мне пришлось про-

ехать по Манагуа километров сорок, чтобы избавиться от «хвоста»: за мной тогда стали усиленно «приглядывать». Товарищу из ФНОС я сказал, что мне представилась возможность поехать в Испанию, и попросил дать задание. «Пой,— ответил он,— и держи с нами связь».

Сразу же по приезде Годой стал налаживать отношения с испанскими фирмами грамзаписей. Многого ему не обещали: в тот период к нам прибыло немало певцов и ансамблей из других латиноамериканских стран.

— Некоторые представляли подлинные песни своих народов,— говорит Годой,— но были и такие, кто лишь пользовался общим интересом к латиноамериканскому фольклору. Так что сразу выпустить пластинку мне не удалось, а пришлось начать с выступления в маленьких залах, причем петь старинные никарагуанские песни, не имеющие политической окраски. Хотя, конечно любая вещь, созданная моим народом, воспринималась слушателями в свете событий в Никарагуа. Успех позволил мне включить в репертуар песни политического содержания. Наконец, появилась и пластинка с записью «Крестьянской мессы» (сейчас эта песня стала боевым гимном никарагуанских патриотов. — Ред.).

Так Годой выполнил перво-

очередное задание ФНОС. Став популярным, он теперь ведет большую работу по пропаганде за рубежом целей и задач борьбы своего народа. Словом и музыкой он завоевывает солидарность. Недавно вышла новая пластинка с песнями Годоя. На ее конверте воспроизведена картина одного из художников ФНОС: портреты самого Сандино и лидера фронта Фонсеки, убитого по приказу Сомосы, на фоне громадного кукурузного поля с восстающими жнецами. Пластинка называется «Новое кукурузное поле».

— Сейчас, когда на родине вспыхнуло пламя народного восстания,— объясняет певец,— такие записи очень важны. Теперь я могу сказать, что приехал в Испанию, чтобы вы все узнали через песни о нашей борьбе. Песни эти я сочинил не сегодня. Они известны никарагуанцам, меня больше знают в народе как исполнителя именно политических, а не традиционных песен, хотя я люблю фольклор и с его помощью завоевал признание. Вот некоторые говорят, что политические песни адресованы прежде всего людям уже убежденным. Я так не считаю. В боевой песне заложена большая мобилизующая сила, она способна всколыхнуть, взбудоражить тех, кто еще далек от политической борьбы.

Для примера Годой рассказывает о своей недавней поездке в Каса-де-Кампо, где он пел на традиционной ярмарке вин. Когда объявили, что будет выступать никарагуанский певец, публика стала с энтузиазмом скандировать: «Да здравствует Сандино! Смерть Сомосе! Да здравствует Никарагуа! Народ победит!»

— Там не было ни политических деятелей, ни профсоюзных активистов, ни студентов,— взволнованно говорит Годой. — Собрались простые испанские крестьяне, но они знали о событиях в Никарагуа. Я и мои песни стали для них олицетворением борьбы никарагуанцев. Я счастлив, что мне выпала такая миссия.